Никита Пивоваров

Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985 гг.)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-185-215

Nikita Pivovarov

What Kind of Religious Persons Were Invited to the USSR, and Who Was Allowed to Go Abroad (1943–1985)

Nikita Yu. Pivovarov — Department of National History and Cultural Studies, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia). pivovarov.hist@gmail.com

The article explores the history of official "religious" travels to and from the USSR in the period of 1943 to 1985. The main sources are the documents of the Central Committee of the Communist Party. The study analyzes how the trips were prepared and realized, how and why were people from various religious confessions sent abroad and invited to the Soviet Union, and other related issues. The author distinguishes the following types of official missions: diplomatic, recreational, educational, religious-functional, and pilgrimage. There were three key political objectives — propaganda, information and recruitment. These trips played an important role as they established a systematic form of communication, which sometimes served as alternative to official diplomacy.

Keywords: Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the Council for Religious Affairs, the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Soviet diplomacy.

Цель данной статьи — показать роль и значение поездок по религиозной линии в годы Холодной войны. В публикации будут проанализированы только те официаль-

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ 14-01-00488.

Пивоваров Н. Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 185–215.

Pivovarov, Nikita (2017) "What Kind of Religious Persons Were Invited to the USSR, and Who Was Allowed to Go Abroad (1943–1985)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(1): 185–215.

ные поездки за границу религиозных деятелей из СССР и представителей иностранных религиозных структур в СССР, которые обсуждались и утверждались высшим руководством страны в лице ЦК ВКП(б)/КПСС. Изучение таких официальных поездок поможет расширить представление о том, как советское руководство использовало религиозные структуры в условиях идеологического противостояния в биполярном мире, а также позволит лучше понять, каким образом осуществлялась религиозная коммуникация между Советским Союзом и внешним миром.

Исследователи неоднократно обращались к истории международных церковных связей в годы Холодной войны[1]. Наиболее обстоятельный анализ официальных церковных поездок представлен в работах В.А. Ахмадулина[2], О.Ю. Васильевой[3], Т.В. Волокитиной[4], В.А. Ливцова[5], И.И. Масловой[6], С.В. Петрова[7], Т.А. Чу-

1. Основные историографический проблемы внешней деятельности РПЦ нашли отражение в работе: *Король В.Л.* Миротворческая деятельность Русской православной церкви (1949 - 1991): историография проблемы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2013. № 9. С. 144–152.
2. *Ахмадулин В.А.* Хадж советских мусульман в 1953 — 1955 гг. // Армия и общество. 2013. № 3 (35). С. 88–92; *Ахмадулин В.А.* Хадж советских мусульман в 1958–1959 гг. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 5. С. 50–54; *Ахмадулин В.А.* Деятельность советского государства по привлечению мусульман к борьбе за мир в 1940-х–1950-х гг. // Власть. 2013. № 9. С. 121–124.
3. *Васильева О.Ю.* Внешняя политика советского государства и Русская православная церковь. 1943–1948 годы // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 339–353; *Она же.* Русская православная церковь и Второй ватиканский собор. М., 2004.
4. *Волокитина Т.В.* Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (к проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е годы XX в.) // Власть и церковь в странах Восточной Европы. 1939–1958 гг. (Дискуссионные аспекты). М, 2003. С. 99–125.
5. *Ливцов В.А.* Русская Православная Церковь и экуменическое движение в XX веке. М. 2000; *Ливцов В.А.* Использование экуменизма в качестве инструмента советской внешней политики в начале 1960-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 223–229.
6. *Маслова И.И.* Советское государство и Русская Православная Церковь: политика сдерживания (1964–1984 гг.). М. 2005; *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская православная церковь (1965–1991 гг.) // Российская история (Отечественная история). 2005. № 6. С. 52–65.
7. *Петров С.В.* Евангельские церкви во внешнеполитическом векторе религиозной политики СССР в 1941–1948 гг. // Схід. 2014. № 1 (127). С. 160–165.

маченко[8], И.В. Шкуратова[9], В.Н. Якунина[10]. Отдельные аспекты церковных поездок были описаны в публикациях Ю.В. Данилец и В.В. Мищалкина[11], Н.И. Егоровой[12], В. Заватски[13], И.В. Левченко[14], М.И. Одинцова[15], Д.В. Поспеловского[16]. В обобщающих ра-

8. *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. *Она же.* Московская патриархия в движении сторонников мира: 1949–1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. 2007. № 1. С. 118–122; *Чумаченко Т.А.* В русле внешней политики советского государства: Московская патриархия на международной арене в 1943–1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 1 (7). С. 89–99; *Чумаченко Т.А.* «Союз церквей социалистического лагеря»: Совет по делам РПЦ и эволюция взаимоотношений Московской патриархии с православными церквями стран «народной демократии» в 1948–1953 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1 (11). С. 67–81; *Чумаченко Т.А.* Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949–1953) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 5. С. 93–95; *Чумаченко Т.А.* Совет по делам РПЦ и Московская патриархия в решении внешнеполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 107–123; *Чумаченко Т.А.* В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943–1953 годы // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 22 (351). С. 142–148; *Чумаченко Т.А.* Отношения Московской патриархии и восточных патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 2 (357). С. 117–122; *Чумаченко Т.А.* Московская патриархия во внешней политике советского правительства. интересы церкви. интересы власти. 1940-е-первая половина 1960-х гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Владивосток, 2015. С. 209–222.
9. *Шкуратов И.В.* Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви (1945 — 1961 гг.) Дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2005
10. *Якунин В.Н.* Внешние связи Московской патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2002; *Якунин В.Н.* Международная деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Дипломатический вестник. 2002. № 10. С. 168–172.
11. *Данилец Ю.В., Мищалкина В.В.* Православна церква на Закарпатті в умовах становлення Радянської влади (1944–1950 рр.) // Русин. 2013. № 4. С. 88–112.
12. *Егорова Н.И.* Вклад движения сторонников мира в антиядерные кампании середины 1950-х — начала 1960-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал история. 2005. № 2. С. 2.
13. Sawatsky, W. (1981) *Soviet Evangelicals: Since World War II.* Herald press.
14. *Левченко И.В.* Русская Православная Церковь и государство: учеб. пособие для студ. вузов. Иркутск, 2001.
15. *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России: XX век. М, 1994.
16. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995.

ботах Э. Горсач[17], И.Б. Орлова, А.Д. Попова[18] содержится важный анализ организационно-правовых вопросов поездок за границу, однако главное внимание авторов было сосредоточено не на официальных, а на туристических поездках. Несмотря на значительный историографический задел, авторы основное внимание уделили поездкам представителей Русской православной церкви в период «позднего сталинизма» и «хрущевского десятилетия». При этом в литературе не освещались и не анализировались организационные вопросы выезда за рубеж и приема иностранных представителей; до сих пор нет более-менее точной динамики численности поездок по религиозной линии. В тени историографии осталась история внешних контактов практически всех неправославных конфессий. Но самое главное, что подавляющее большинство исследований основаны на материалах Совета по делам религий (ГА РФ. Ф. Р-6991), гораздо реже на источниках архива МИДа. Лишь в единичных публикациях использованы документы высших партийных органов.

Ключевыми источниками для данной статьи стали документы Аппарата ЦК в самом широком смысле этого слова — не только управлений и отделов, непосредственно курирующих религиозные организации, но и Политбюро (Президиума) и Секретариата ЦК. Важнейшими документами для данной статьи были планы проведения поездок и намечающихся приглашений, а также отчеты по итогам мероприятий. Благодаря официальной делопроизводственной картотеке Общего отдела ЦК КПСС удалось установить динамику численности поездок по религиозной линии. К сожалению, исследователям на сегодняшний день доступны далеко не все источники (поэтому, например, динамику численности поездок в СССР удалось изучить лишь до 1980 г.). Однако анализ имеющихся документов позволяет гораздо лучше понять политический смысл, который вкладывало советское руководство в подобные международные контакты.

До Второй мировой войны международные религиозные контакты в РСФСР/СССР практически отсутствовали. На протяжении 1920–1930-х гг. руководители партии лишь дважды рассма-

17. Gorsuch, A. (2011) *All this is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin*. N.Y.

18. *Орлов И.Б., Попов А.Д.* Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М., 2016.

тривали вопрос об отправке духовенства за границу[19]. Но в обоих случаях поездки так и не состоялись. До войны не было принято ни одного постановления об официальном приглашении иностранных религиозных деятелей. К религиозным поездкам могут быть отнесены лишь визиты, которые совершали представители «Конгресса Интернационала пролетарских свободомыслящих» и «Совета Союза безбожников». На протяжении второй половины 1920 — первой половины 1930-х годов «безбожники» регулярно выезжали за границу и приезжали в СССР.

В годы войны атеистический натиск в значительной мере ослаб, и в советском обществе началось постепенное возрождение церковных структур. Именно в это время состоялся первый официальный церковный визит в СССР. Инициатором его выступил митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич). В сентябре 1942 г., находясь в эвакуации в Куйбышеве, он встретился с Бакклеем — помощником британского посла и предложил обменяться делегациями между Русской православной церковью и англиканской. Был ли это экспромт митрополита или за этим стояли подготовленные Москвой предложения — неизвестно. Но уже в марте 1943 г. английский посол А.К. Кэрр направил В.М. Молотову ноту с просьбой принять в СССР делегацию Англиканской церкви. Спустя полгода, в сентябре, небольшая группа представителей Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским С.Ф. Габерттом посетила Москву. Православную церковь на встрече представлял митрополит Николай. Эта поездка имела исключительно важное внешнеполитическое значение. Факт прибытия англиканской делегации в Москву был освящен в небольшой заметке в газете «Известия» — беспрецедентное для того времени событие[20].

В дальнейшем вопросы церковной дипломатии курировали Совет по делам Русской православной церкви (СДРПЦ), созданный в сентябре 1943 г., и Совет по делам религиозных культов

19. Впервые этот вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро 29 сентября 1921 г. Тогда глава ВЦИК и по совместительству председатель ЦК Помгола М.И. Калинин заявил о необходимости послать представителей советского духовенства на Лондонский съезд священнослужителей. Второй раз вопрос о поездках рассматривался спустя десять лет. В начале 1931 г. председатель постоянной комиссии по вопросам культов при ВЦИК П.Г. Смидович направил И.В. Сталину докладную записку, в которой предлагал отправить православные делегации в Лондон для участия в работе «Догматической комиссии» в октябре 1931 г. и на Всеправославное совещание на святой горе Афон в июне 1932 г.

20. *Известия*. 21.09.1943 г. № 223.

(СДРК), образованный в мае 1944 г. Однако в нормативных документах этих Советов отсутствовали какие-либо правовые нормы, регулировавшие внешнеполитическую деятельность церковных организаций[21]. На это обстоятельство уже в 1946 г. обратил внимание руководитель СДРПЦ Г.Г. Карпов. В докладной записке на имя И.В. Сталина он писал:

> Почти трехлетняя практика работы Совета по делам русской православной церкви при СМ СССР показала, что его роль, функции и объем работы значительно вышли за рамки, предусмотренные Положением о Совете. Если в первый период мероприятия Совета были направлены, главным образом, к организационному устройству русской православной церкви, расширению ее церковно-патриотической деятельности среди верующих и нормализации взаимоотношений между церковью и государством, то в последующий период и, особенно, после окончания Великой Отечественной войны основное внимание Совета было направлено на внешнеполитическую работу, которая предусматривала расширение сфер деятельности и влияния русской православной церкви за границей и укрепления ее авторитета и связей с другими автокефальными православными церквями мира[22].

По мнению Карпова, необходимо было усилить «использование православной церкви в политических интересах Советского Союза»[23]. Зарубежные поездки и приглашения в СССР по линии Московского патриархата должны были стать эффективным инструментом разоблачения распространявшихся на Западе «клеветнических измышлений о положении и религии, и церкви в СССР»[24], а также работать на усиление советской внешнеполитической экспансии в странах Восточной Европы. Карпов предложил выделить следующие внешнеполитические направления работы Московского патриархата (МП): оказывать влияние

21. Чаще всего религиозные внешнеполитические мероприятия формировались в нормативно-распорядительном порядке. Например, весной 1945 г. по указанию В.М. Молотова СДРПЦ разработал целый комплекс внешнеполитических мероприятий РПЦ (см.: Власть и церковь в странах Восточной Европы. 1939–1958 / под ред. Г.П. Мурашко, М.И. Одинцова. М, 2003. С. 308–311).
22. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 60. Д. 1. Л. 17.
23. Там же. Л.18.
24. Там же. Л. 17.

на экуменическое движение (главным образом, на англиканскую церковь, методистские и баптистские организации США), противостоять политике Ватикана на международной арене (в первую очередь, бороться с униатством), усилить работу с Евангелической церковью Германии (ЕКД) и, наконец, преодолеть «карловацкий раскол»[25].

После Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии РПЦ в Москве в июле 1948 г. внешнеполитические векторы МП вновь сместились. Теперь главными врагами Московского патриарха стали не только Ватикан, но и представители экуменического движения в лице Всемирного союза церквей (ВСЦ). Еще более четко новые внешнеполитические векторы МП обозначил Карпов в докладной записке, составленной по итогам совещания для Сталина:

> Принимая во внимание положительное выполнение поручавшихся заданий выезжавшими за границу в период 1945–1948 гг. представителями церкви и не переоценивая роли и значения церкви, Совет считает, что есть возможности более широко использовать в государственных интересах заграничную деятельность церкви. В первую очередь необходимо удержать, закрепить и на деле осуществить полный отрыв от Запада православных церквей в странах народной демократии, обеспечив с их стороны поддержку линии русской церкви[26].

В хрущевское время первым документом, обозначившим новые тенденции в церковной дипломатии, стала записка 1955 г. пред-

25. «Карловацкий раскол» — последствия решений, принятых на Карловацком соборе в 1921 г. (архиерейском соборе в г. Сремски-Карловицы Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев). На соборе был принят текст обращения «К чадам РПЦ, в рассеянии и изгнании сущим» о необходимости восстановления в России монархии и царствующего Дома Романовых и послание к международной мирной конференции в Генуе с призывом не признавать правительства большевиков. Патриарх Тихон, Синод и Высший церковный совет приняли постановление, в котором осудили решения, принятые на соборе, а Высшее церковное управление за границей (ВЦУЗ) объявили упраздненным. Зарубежные архиереи посчитали, что решения патриарха Тихона продиктованы давлением большевиков и отказались незамедлительно ликвидировать ВЦУЗ (см.: Высшее церковное управление за границей // Православная энциклопедия. Т. 10. С. 106–108).

26. *Чумаченко Т.А.* «Союз церквей социалистического лагеря» »: Совет по делам РПЦ и эволюция взаимоотношений Московской патриархии с православными церквями стран «народной демократии» в 1948–1953 гг. С. 68–69.

седателя Комитета информации при МИД СССР и заместителя министра иностранных дел А.А. Громыко[27]. В ней будущий министр иностранных дел предлагал, чтобы Московский патриархат не просто возобновил отношения с экуменическим движением, но стал полноценным членом ВСЦ. После этой записки, одобренной Президиумом ЦК КПСС, фактически начался диалог между МП и ВСЦ. В 1956 г. руководство ВСЦ информировало митрополита Николая о единодушном решении принять РПЦ в состав организации[28]. В другом важном документе — записке председателя СДРК А.А. Пузина 1958 г. — предлагалось значительно увеличить число зарубежных поездок мусульманского духовенства для усиления советского влияния в странах Востока. На основе этой записки было принято постановление Комиссии ЦК по вопросам культуры, идеологии и международных партийных связей «О расширении связей религиозных организаций СССР с религиозными деятелями и организациями стран Ближнего и Среднего Востока». Духовным управлениям советских мусульман теперь разрешалось не только чаще приглашать представителей арабских стран, но и более активно участвовать в международных исламских мероприятиях. Позже Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), Эстонская и Латвийская евангелическо-лютеранские церкви получили право более активно заниматься внешнеполитической деятельностью.

Наконец, еще одним документом, определившим развитие внешнеполитической деятельности религиозных организаций хрущевского времени, была записка КГБ 1960 г. В документе предлагалось усилить идеологическую борьбу с Ватиканом, так как папский престол, по мнению руководителей Комитета, «всеми средствами удерживает западную дипломатию на позициях холодной войны и мешает смягчению напряженности в международных отношениях»[29]. Для подрыва авторитета Ватикана предлагалось усилить роль и значение Пражского христианского движения в защиту мира — вовлечь в его работу англиканскую и евангелическо-лютеранскую церкви, улучшить отношения с Вселенским, Александрийским и Иерусалимским патриархами, а также всячески содействовать проведению в различных

27. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 29. Л. 44.

28. *Чумаченко Т.А.* Совет по делам РПЦ и Московская патриархия в решении внешнеполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. С. 114.

29. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 29. Л. 44.

странах мира совещаний и конференций религиозных объединений, на которых бы одновременно рассматривались вопросы мира и дружбы между народами и формировались антиватиканские настроения. Записка КГБ стала основой для сверхсекретного постановления Президиума ЦК (ему был присвоен гриф «особая папка») «Об усилении работы против Ватикана и расширения внешней деятельности религиозных центров СССР в борьбе за мир», в котором были отражены все предложения Комитета.

Первой брежневской инициативой стало постановление Секретариата ЦК «О развитии отношений Московской патриархии с церквями Африки», принятое в мае 1965 г. После объединения Советов в единый Совет по делам религий (СДР) в конце 1965 г. в правовом положении нового органа наконец была зафиксирована его ведущая роль в организации внешней деятельности церковных организаций. Начиная с 1967 г. Совет стал формировать и утверждать в Секретариате ЦК КПСС планы поездок и приглашений по религиозной линии[30]. Теперь в ЦК отдельно утверждались только внеплановые поездки, количество которых было незначительным. Такая практика имела место вплоть до 1990 г. С 1990 г. ЦК КПСС прекратило регулировать все заграничные поездки и визиты в СССР.

Непосредственно в ЦК вопросы, связанные с религиозными поездками, рассматривались и утверждались на заседаниях Секретариата ЦК и/или Политбюро (Президиума) ЦК. С 1959 г. вопросы поездок регулировала Комиссии ЦК по вопросам культуры, идеологии и международных партийных связей во главе с М.А. Сусловым. После ее упразднения в 1962 г. и вплоть до 1990 г. все постановления утверждались Секретариатом ЦК (за исключением отдельных случаев, как, например, поездки в СССР в 1983–1984 гг. американского проповедника-евангелиста Билли Грэма, которые разрешало Политбюро).

Прежде чем попасть на стол членов Политбюро или секретарей ЦК документы о поездках за границу или приглашения в СССР проходили длительную процедуру согласования[31]. Фор-

30. Первый план поездок за границу и приглашений в СССР по религиозной линии был утвержден еще при Сталине. В 1949 г. Политбюро утвердило план на 1950 г. Однако делопроизводственное новшество не прижилось, и с 1951 г. планирование поездок прекратилось.

31. В 1959 г. руководители СДРПЦ и СДРК направили в ЦК предложение о выработке единообразных принципов приглашения и отправки за границу священнослужителей. Однако Секретариат ЦК проект не утвердил.

мально все приглашения в СССР исходили от религиозных организаций, Советского комитета в защиту мира или советских обществ дружбы. Но инициативная записка в ЦК (как правило, уже с проектом постановления ЦК) направлялась руководителем СДРПЦ, СДРК или СДР. После получения документов сотрудники Особого сектора (в декабре 1952 — марте 1953 г. Канцелярии Президиума ЦК, с марта 1953 по август 1991 г. — Общего отдела ЦК) перенаправляли их в несколько адресов. В 1944–1947 гг. материалы поступали в Комиссию ЦК ВКП(б) по выездам за границу, с 1947 по 1949 гг. — в Бюро по выездам за границу и въездам в СССР при Комитете информации при Совете Министров СССР, работу которого непосредственно курировал Л.П. Берия, бывший в те годы кандидатом в члены (с 1946 г. — членом) Политбюро и заместителем председателя Совета Министров СССР. Правки и рекомендации Л.П. Берия и И.В. Сталина мы чаще всего находим на сопроводительных записках и проектах постановлений, подготовленных председателями Советов Г.Г. Карповым и И.В. Полянским.

Начиная с 1949 г. все зарубежные церковные контакты, наряду с вновь созданной Комиссией по выездам за границу ЦК ВКП(б)/КПСС[32], регулировались Внешнеполитической комиссией ЦК ВКП(б) (с октября 1952 по март 1953 г. — Комиссией ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями) во главе с В.Г. Григорьяном. Деятельность комиссии с 1949 по 1953 г. курировал В.М. Молотов. В то же время отдельные вопросы религиозных поездок за границу В.Г. Григорьян согласовывал с К.Е. Ворошиловым. После смерти И.В. Сталина Комиссия была упразднена, а ее функции переданы Отделу ЦК по связям с иностранными компартиями. В феврале 1957 г. Отдел был разделен на Международный отдел по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран (с 1971 г. — Международный отдел) и Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Непосредственно эти два структурных подразделения и регулировали все церковные поездки и визи-

32. В декабре 1962 г. Комиссия была упразднена, а функции ее переданы Отделу кадров дипломатических и внешнеэкономических органов ЦК КПСС (с мая 1965 г. — Отдел заграничных кадров ЦК КПСС). В январе 1967 г. на базе сектора по выездам за границу Отдела была вновь сформирована Комиссия по выездам за границу при ЦК КПСС. В марте 1973 г. Отдел и Комиссия были объединены в одно структурное подразделение — Отдел по работе с заграничными кадрами и выездам за границу. Эта структура просуществовала вплоть до 1990 г.

ты в СССР. Дополнительно в ЦК вопрос о поездках мог рассматриваться в Отделе административных органов, Отделе агитации и пропаганды, Информационном отделе, но решающее слово оставалось за Международным отделом и Отделом по соцстранам.

Кроме ЦК вопрос поездок обязательно согласовывался с МИДом. С 1950-х годов наряду с отделами Министерства свое заключение по отдельным вопросам представлял посол страны, куда направлялась или откуда прибывала делегация. В очень редких случаях в СДРПЦ или СДРК (СДР) приглашали религиозных деятелей, чтобы получить от них дополнительную информацию и личное мнение. Некоторые документы отражают все бюрократические перипетии подготовки церковных поездок. Например, в 1955 г. в согласовании вопроса о поездке делегации РПЦ в Рейнскую область участвовали: Отдел ЦК по связям с иностранными компартиями, германский сектор МИД, советское посольство в ГДР и митрополит Николай (Ярушевич).

Еще одной ключевой инстанцией, принимавшей решения о церковных поездках, были органы государственной безопасности. В период позднего сталинизма мнение этих органов имело решающее значение. Например, в 1948 г. руководство СДРК одобрило поездку советских раввинов в Польшу для участия в траурных мероприятиях в связи с пятилетней годовщиной восстания в варшавском гетто. Однако руководство МГБ выступило против поездки, и она была отложена[33]. В 1952 г. МИД и Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б) настаивали на том, чтобы глава евангелически-лютеранской церкви земли Гессен — пастор М. Нимёллер — во время поездки по Советскому Союзу мог познакомиться с жизнью немецких и австрийских военнопленных и интернированных. Против этого выступило руководство МГБ, так как, по мнению чекистов, военнопленные могли высказать нелицеприятные вещи о СССР[34]. Политбюро ЦК прислушалось к этому мнению и рекомендовало оградить немецкого пастора от дополнительных контактов.

Представители религиозных структур выезжали за границу чаще всего в составе делегаций. Церковных иерархов под видом помощников, переводчиков, охранников сопровождали сотрудники НКГБ (МГБ), позднее КГБ. Главная их задача заключалась в охране советских религиозных деятелей, так как некоторые по-

33. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 165.

34. Там же. Л. 128.

ездки представляли реальную опасность для жизни. Так, в ходе пребывания патриарха Алексия в Сирии в 1945 г. неожиданно развернулись вооруженные столкновения между сирийскими повстанцами и французскими оккупационными войсками, и только благодаря слаженной работе сотрудников НКГБ патриарх и его окружение были благополучно выведены из зоны конфликта. Но наряду с охраной сотрудники спецслужб собирали информацию о стране пребывания, а главное внимательно следили за тем, что и кому говорили советские церковные деятели. После смерти Сталина на короткий промежуток времени (примерно до середины 1950-х годов) религиозных деятелей выпускали без сопровождения. Когда секретарь ВСЕХБ А.В. Карев поехал в 1954 г. в Норвегию один, местные религиозные деятели удивились, что с ним не было «переводчика-шпика». Норвежцы посчитали это признаком политических перемен в СССР[35]. Но после создания КГБ поездки с сопровождением возобновились.

Кого же выпускали за границу? Проверенных религиозных деятелей, чья лояльность советской власти не вызывала сомнений. Как правило, это были церковные администраторы — либо непосредственные руководители церквей (патриархи, руководители ВСЕХБ и евангелистов, главы духовных управлений мусульман и буддистов и т.д.), либо лица, отвечавшие за внешние сношения. В РПЦ — патриархи Алексий и Пимен, митрополиты Николай (Ярушевич), Никодим (Ротов), Алексий (Ридигер); во ВСЕХБ — председатель Совета Я.И. Жидков, секретарь Совета А.В. Карев; в евангелическо-лютеранских церквах Латвии и Эстонии — архиепископы Я.Я. Кийвит и Г.Г. Тур; у мусульман — председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий З. Бабаханов.

Лояльность советской власти была важным, но не всегда определяющим критерием при отборе. Не менее важны были дипломатические умения, а главное — ораторские качества. Особенно актуально это было для церковных поездок военных и первых послевоенных лет. Выдающимся дипломатом и оратором был митрополит Николай (Ярушевич). Он свободно общался как с представителями западного мира, так и с руководителями восточных православных церквей. Его проповеди имели большое влияние на российских эмигрантов во Франции, Англии, Финляндии. Г.Г. Карпов в отчетах для Сталина о поездках митрополита Николая

35. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 28. Л. 120.

по Западной Европе сообщал, что его восторженно принимали в Лондоне — князья Голицыны, Оболенские, в Париже — великий князь Андрей Владимирович, князь П.А. Оболенский, ряд русских профессоров. Проповеди его неоднократно прерывались возгласами: «возьмите нас с собой на родину», «поцелуйте родную землю», «поклонитесь до земли русскому народу»[36]. Так Карпов описывал атмосферу в одном из лондонских православных храмов во время проповеди митрополита: «Выступление митрополита Николая на присутствующих в храме произвело большое впечатление, слушали жадно, многие плакали; расходясь из храма, делились впечатлениями, обнимались и поздравляли друг друга с Пасхой; говорили, что сказанное было для многих из них откровением»[37]. Митрополиту Николаю были позволены поездки в западные страны, путь в которые, особенно в сталинское время, был закрыт даже для патриарха Алексия.

Еще более тщательно, чем поездки за границу, регулировались визиты иностранных религиозных деятелей в СССР. Прежде чем выдать разрешение на въезд в Советский Союз на будущего гостя составлялась подробная анкета, в которой описывались политические взгляды, сочинения и отдельные высказывания. Особенно внимательно собирались и изучались данные на мусульман из арабских стран и христианских деятелей из Западной Европы и Америки. На протяжении десятилетий в СССР приезжали одни и те же проверенные церковные деятели — «друзья советского режима».

Тщательно разрабатывалась программа пребывания иностранных гостей в СССР. Помимо межцерковного общения (проведения совместного богослужения) и демонстрации религиозных объектов, гостям показывали светские достижения Советского Союза. Так, делегации Болгарской православной церкви, впервые посетившей СССР, демонстрировали Исторический музей, музей творчества крепостных в Останкино, Третьяковскую галерею, московское метро и Московский речной вокзал, а также показали спектакль «Царь Федор Иоаннович» во МХАТе[38]. Некото-

36. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 111.

37. Там же. Л. 101.

38. Там же. Д. 30. Л. 22. Традиция показывать религиозным гостям советский театр сложилась во время первых поездок. Канонник Ф. Хаус, принимавшей участие во встрече представителей Англиканской церкви с руководителями МП в 1943 г., вспоминал, что вечером после официальных переговоров английская делегация была приглашена на оперу «Евгений Онегин» (см.: House, F. (1983) “A war-time

рые делегации, кроме Москвы, возили в Ленинград, Киев, Казань и Тбилиси. Иногда иностранные гости сами изъявляли желание посетить светские объекты. Например, во время поездки Сербского патриарха Викентия в СССР в 1956 г. члены его делегации обратились к Г.Г. Карпову со следующей просьбой: «Церквей много и у нас, мы хотим видеть в Ленинграде, Киеве и Москве 1–2 завода, больничные и детские учреждения, совхоз, колхоз и вашу культуру»[39]. Во время ответного визита они обещали продемонстрировать Московскому патриарху гидростанцию, судоходную верфь и 5–6 заводов. Иногда в честь иностранных делегаций устраивались официальные обеды и приемы в Совете Министров или Верховном Совете СССР.

В ходе таких визитов происходил обмен подарками. Например, Антиохийскому патриарху во время визита в СССР в 1951 г., в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР, была подарена палехская шкатулка с видом Кремля и серебряный ликерный прибор, а в ходе поездки в 1954 г. Антиохийский первоиерарх получил от Московского патриарха подарок на день ангела — шкатулку с 10 тыс. долларов[40]. Ценность подарков зависела от «ценности» гостя. В 1956 г. Президиум ЦК КПСС постановил вручить секретарю комиссии по делам вероисповедования Югославии М. Дилпаричу и членам его семьи подарки до 2 тыс. рублей с формулировкой «принимая во внимание особый характер взаимоотношений с Югославией»[41], тогда как Сербский патриарх Викентий, формально возглавлявший югославскую делегацию, получил «лишь» золотую панагию. В 1956 г. митрополиту Бейрутскому Илии (Салиби), как одному из вероятных кандидатов на пост Антиохийского патриарха, был не только устроен званый обед, но и вручены 15 тыс. долларов в ливанской валюте в качестве подарка[42]. Некоторые гости привозили подарки с собой. Например, Антиохийский патриарх в 1951 г. вручил Г.Г. Карпову халат из верблюжьей шерсти и салфетку ручной работы[43], а в 1954

visit to the Russian Church", *Sobornost (incorporating Eastern Churches Review* 5(2): 54).

39. Там же. Л. 102.

40. Там же. Л. 38.

41. Там же. Л. 102.

42. *Чумаченко Т.А.* Совет по делам РПЦ и Московская патриархия в решении внешнеполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. С. 111.

43. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 30. Л. 103.

г. председатель СДРПЦ был награжден орденом апостолов Петра и Павла — высшей наградой Антиохийской церкви.

Динамика численности поездок религиозных деятелей и соответствующая география позволяют сделать вывод о том, что чаще всего за границу выезжали представители РПЦ (в среднем по 20 поездок в год), евангелическо-лютеранской церквей Латвии и Эстонии (в среднем до 6 поездок в год), ВСЕХБ (в среднем 5 поездок в год) и Армянской апостольской церкви (в среднем 4 поездки в год). РПЦ была «рекордсменом» и по другому показателю: это была единственная конфессия, представители которой на протяжении всей Холодной войны выезжали за рубеж ежегодно. А вот абсолютными «аутсайдерами» в плане заграничных поездок были представители иудейских организаций. Мало того, что Секретариат ЦК дважды (в 1948 г. и 1959 г.) принимал постановление, запрещающее выезд московских раввинов за границу, на протяжении 40 лет лишь один раз (в 1957 г.) советским иудеям было разрешено побывать на зарубежном мероприятии.

В целом, можно предложить следующую периодизацию поездок советских религиозных деятелей за границу. Первый период (1945–1953 гг.) приходится на время «позднего сталинизма». В это время за рубеж в основном посылали только представителей РПЦ. География поездок также не отличалась широтой. Так, если в 1945–1946 гг. представители религиозных организаций в СССР еще совершали поездки в западные страны (Англия, США, Франция), то с 1947 г. эта практика сошла на нет. Главными направлениями стали страны Восточной Европы. Второй период (1953/1954 г. — конец 1950-х годов) пришелся на первые хрущевские годы, когда произошло заметное расширение числа конфессий, представителям которых разрешали выезжать за границу. При Н.С. Хрущеве впервые за границу были отправлены представители нехристианской конфессии. Но география стран пребывания расширилась не сильно. В основном выезжали в Восточную и Западную Европу, США. Третий период (1960-е годы) знаменовал собой значительное расширение географии поездок. Советские религиозные деятели «открыли» для себя Африку, Латинскую Америку, Азию. Заметно возросло количество поездок. Четвертый период (1970-е годы) пришелся на время «разрядки» и знаменовал собой количественное увеличение поездок. Например, только от 36 до 48 делегаций РПЦ ежегодно выезжали в это время. Четвертый период (1980–1985 гг.) пришелся на время нового обострения отношений с Западом. Количество поездок сни-

зилось, и религиозные деятели стали меньше выезжать в Западную Европу и США.

Из иностранных религиозных деятелей чаще всего в СССР приезжали представители Англиканской церкви, Антиохийского патриархата, Всемирного союза баптистов, Румынской и Сербской православных церквей, мусульман Сирии, Всемирного совета церквей, а также руководители секретариата (отдела) по делам религиозных культов при Совете Министров ЧССР. В отличие от выездов из СССР единую периодизацию в отношении поездок в СССР вывести практически невозможно. Однако очевидно, что после смерти Сталина количество поездок в СССР по религиозной линии значительно возросло.

Цели поездок за границу и визитов в СССР были разнообразны, и религиозная составляющая в них была далеко не единственной. Важной целью было продвижение советского внешнеполитического курса. В зависимости от превалирования политических целей, можно выделить несколько типов официальных религиозных поездок за границу — дипломатический, рекреационный, функционально-религиозный, образовательный и паломнический. В отношении поездок в СССР иностранных религиозных деятелей можно выделить те же самые типы. Исключение — отсутствие среди официальных поездок в Советский Союз паломнического типа. Паломничества если и совершались в СССР, то частным образом. Нами выявлен лишь один случай, когда в 1969 г. Секретариат ЦК КПСС утвердил приглашение для паломнической группы католиков эмигрантов-латвийцев.

Дипломатический тип официальных религиозных поездок был наиболее распространенным. Часто такие поездки были вполне светскими по содержанию. Например, пастор ЕКД М. Нимёллер в ходе поездки в 1952 г. пытался решить проблемы немецких и австрийских военнопленных и интернированных[44], а в 1954 г. архиепископ из Нигерии Лукос провел переговоры с советскими внешнеполитическими ведомствами о формировании торговых связей между СССР и Нигерией (в то время еще английской колонией). Архиепископ сумел договориться о поставках на советский рынок африканских сельскохозяйственных продуктов (каучука, кофе, черного перца, имбиря, земляного ореха, коровьих шкур, какао-масла и т. д.) в обмен на закупку советских промышленных товаров (легковых и грузовых автомобилей, складных кроватей,

44. Там же. Л. 128.

мужского и женского нижнего белья, пишущих машинок, лекарственных препаратов, стеклянной посуды и т. д.)[45]. Им даже была создана фирма для торговли с СССР, минуя Англию, с отделениями в Лондоне и Амстердаме.

В ходе дипломатических поездок проводились встречи и переговоры на самом высоком политическом уровне. Такая практика сложилась во время самых первых поездок за границу. Например, митрополит Николай в ходе своей первой поездки в Англию в 1945 г. встречался с королем Георгом, членами парламента, а также с супругой У. Черчилля. Патриарх Алексий во время своего ближневосточного турне, в том же 1945 г., общался с королем Египта Фаруком, наследным греческим принцем Павлом, греческим принцем Петром, президентами Ливанской и Сирийской республик, а также целым рядом политических и общественных деятелей. В Египте патриарх провел беседу с бывшим премьер-министром Греции С. Венизелосом. Последний предлагал патриарху выступить в роли посредника для нормализации взаимоотношений между СССР и Грецией[46].

При Сталине иностранные религиозные деятели, желая встретиться с официальными советскими лицами, могли рассчитывать только на общение с председателями СДРПЦ или СДРК. Ситуация изменилась при Хрущеве, когда появилась практика переговоров с иностранными церковными деятелями высших советских государственных и партийных деятелей. Первая такая встреча, между сербским патриархом Викентием и председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганиным, состоялась в 1956 году[47]. Примечательна ее подоплека. В ходе подготовки поездки в СССР секретарь комиссии по делам вероисповедования при Союзном исполнительном вече М. Дилпарич в разговоре с Г.Г. Карповым спросил, кто из официальных лиц будет принимать патриарха Викентия. Услышав, что только сам Карпов, Дилпарич заявил: «Мы принимали сейчас греческого архиепископа Дорофея, и то он был принят Тито, Ранковичем и др. Не будет ли правительство принимать нашу делегацию?»[48]. После этого разговора Карпов направил в ЦК инициативную записку, в которой пред-

45. Там же. Д. 31. Л. 24.

46. Там же. Д. 27. Л. 102–102об.

47. *Чумаченко Т.А.* Совет по делам РПЦ и Московская патриархия в решении внешнеполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. С. 109.

48. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 30. Л. 101.

ложил, чтобы с патриархом встретился один из советских руководителей. На основе этой записки Президиум ЦК принял постановление о встрече Н.А. Булганина с Викентием. В дальнейшем с руководителями церквей встречались председатели Верховного Совета СССР, председатели и заместители председателя Совета Министров СССР.

По характеру, целям и задачам близкими к дипломатическому типу были рекреационные поездки, но, в отличие от дипломатических, они использовались для решения наиболее деликатных задач, не подлежащих широкой огласке. Например, в 1951 г. для окончательного подавления униатов и выработки дополнительных мер по созданию Чехословацкой автокефальной православной церкви в ЧССР выехал С.К. Белышев — первый заместитель СДРПЦ. Поездке придали статус частной, совершавшейся якобы для лечения Белышева в Карловых Варах[49]. Регулярно на отдых к Московскому патриарху, в его резиденцию под Одессой, приезжал предстоятель Антиохийской церкви[50]. Александр III так однажды сам охарактеризовал свои поездки на лечение в СССР: «Имея 82 года от роду, я ни в отдыхе, ни в спецлечении не нуждаюсь, но должен был выставить лечение и продолжительный отдых как предлог, чтобы добиться согласия своего Синода на поездку в СССР»[51]. Первый визит Антиохийского патриарха состоялся в 1951 г. и был осложнен небольшим дипломатическим скандалом. Наряду с СССР патриарха пригласили в Бразилию богатые православные арабы. Г.Г. Карпов и сотрудники МГБ считали, что за этим приглашением стояли английские спецслужбы. Советской миссии в Ливане пришлось приложить немало сил, чтобы Александр III все-таки поехал в СССР, а не в Бразилию[52].

Поездки функционально-религиозного типа были вторыми по распространенности. К ним относились поездки, связанные с проведением богослужебных обрядов (таких как интронизация, освящение храмов, погребение). Например, с середины 1950-х годов в резиденцию Верховного патриарха и католикоса всех армян в Эчмиадзин регулярно приезжали представители зарубежных

49. *Чумаченко Т.А.* «Союз церквей социалистического лагеря»: Совет по делам РПЦ и эволюция взаимоотношений Московской патриархии с православными церквями стран «народной демократии» в 1948–1953 гг. С. 72.

50. С 1957 г. ему стали предоставлять даже персональную дачу в Сочи со специальным обслуживанием и лечением.

51. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 102.

52. Там же. Л. 77.

приходов Армянской церкви для участия в обряде мироварения. Как правило, мироварение совершалось каждые семь лет. Одновременно с ним проходил собор епископов Армянской церкви, на котором рассматривались и принимались решения по важнейшим вопросам. Например, в 1954 г. во время такого собора была рассмотрена и утверждена новая конституция Армянской апостольской церкви[53].

Особую категорию составляли те, кто выезжал на постоянное или временное служение в зарубежных странах. В основном это были священники РПЦ и Армянской церкви, а также православные монахи, направлявшиеся в монастыри Афона и Палестины. Священников тщательно отбирали, консультировались с советниками посла и атташе по культуре и религиозным связям той страны, куда их направляли. Например, советские дипломаты в Сирии советовали направить в Бейрут в подворье РПЦ архимандрита, владеющего французским языком и «имеющего условия для поддержания престижа русской церкви», то есть ему нужно было предоставить автомобиль, дорогое облачение, просторное и богатое жилье[54]. Вплоть до конца 1950-х годов РПЦ отправляла в Европу и на Ближний Восток священников с семьями на срок пять и более лет. С начала 1960-х по финансовым соображениям Московская патриархия стала отправлять на служение преимущественно священников-монахов. Как правило, за границу выезжали отдельные священнослужители, но были и исключения. Например, в 1956 г. в Чехословакию были командированы одновременно 25 православных священников для служения в православных приходах Словакии и противодействия деятельности униатов.

Иностранные религиозные деятели приезжали в Советский Союз для проведения богослужений довольно редко. Чаще всего в СССР приезжали и переезжали православные священники-эмигранты. Самый многочисленный переезд состоялся в 1957 г., когда после передачи Ново-Валаамского Спасо-Преображенского мужского монастыря в ведение Финляндской православной церкви в Советский Союз в Успенский Псково-Печерский монастырь переехало около 10 монахов. Все такие переезды сопровождались принятием в обязательном порядке советского гра-

53. Там же. Д. 20. Л. 1.

54. Там же. Д. 28. Л.57.

жданства[55]. Примечательно, что вплоть до конца 1950-х годов в ЦК регистрировали даже кратковременные случаи пребывания иностранных религиозных деятелей. Например, когда в декабре 1950 г. для проведения рождественской службы в английском посольстве прибыл епископ Эрнст Ингл, об этом факте незамедлительно были проинформированы члены Политбюро.

Более редкими по сравнению с дипломатическими и функционально-религиозными были образовательные поездки. К ним относились поездки на учебу, выезды для проведения лекций и научных семинаров. Из советских религиозных организаций на учебу за границу чаще всего отправляли представителей мусульманских организаций — в Академию ислама в Каире (1954, 1959 гг.); представителей ВСЕХБ — в Лондонский баптистский колледж (1956, 1967 гг.); представителей евангелическо-лютеранской церкви в Латвии и Эстонии принимал теологический факультет Оксфордского университета (1958, 1959 гг.) и теологический факультет Геттингенского университета (1960 г.). С 1966 г. Московская патриархия ежегодно отправляла на учебу в Экуменический институт в Боссе (религиозное учебное заведение Всемирного совета церквей) будущих священнослужителей. В 1969 г. Секретариат ЦК принял постановление, согласно которому ежегодно на учебу отправлялись 22 человека — от РПЦ, ВСЕХБ, евангелическо-лютеранских церквей Латвии и Эстонии, духовных управлений мусульман и буддистов. В СССР на учебу в Московскую духовную семинарию и академию приезжали представители Антиохийской православной церкви и древних восточных (дохалкидонских) церквей.

Наконец, наиболее редкими были поездки паломнического типа. Первая паломническая поездка, утвержденная ЦК, состоялась в 1953 г. Это был хадж мусульман на праздник Курбан-байрам в Мекку и Медину[56]. В последующие годы такие поездки стали ежегодными, а с 1968 г. на траурные мероприятия в иранский Мешхед стали каждый год выезжать мусульмане-шииты. У православных паломников возможность выехать за границу появилась только в 1964 г. Первоначально единственным местом паломничества был Афон, с 1970 г. православным разрешили посещать Рим. Лишь с 1975 г. Московская патриархия получила воз-

55. Мы также не рассматриваем в качестве поездок переселение духоборов из Канады в СССР, начавшееся в 1958 г.

56. *Ахмадулин В.А.* Хадж советских мусульман в 1953–1955 гг. С. 89–91.

можность отправлять паломников в Иерусалим и другие святые места Палестины.

Ничем не примечательные паломнические поездки подчас играли очень важную политическую роль. Например, на основе данных, полученных в ходе паломнических поездок в Мекку и Медину, руководитель СДРК А.А. Пузин составил записку, содержащую предложения об увеличении числа зарубежных поездок мусульманского духовенства и усилении советского влияния в странах Востока. Но, пожалуй, из всех паломничеств особо стоит выделить поездку группы советских католиков в Италию в 1957 г. Это рядовое событие было наполнено важным политическим содержанием. В связи с поездкой даже было принято постановление Президиума ЦК «О направлении в Италию групп верующих-католиков из числа граждан СССР»[57]. Целью поездки было расширение контактов с Ватиканом, но ей придали неформальный, частный статус. Поэтому оформление ее проходило не через СДРК, а через ВАО «Интурист». Всех участников поездки проинструктировали, как вести себя за границей. Разрешалось беседовать с католиками Италии только о миролюбивой политике СССР. Они могли положительно отозваться о послании папы Пия XII, в котором он осуждал войну и применение оружия массового уничтожения, но на вопрос о нормализации взаимоотношений СССР и Ватикана члены группы должны были отвечать, что они лишь туристы, хотя и считают, что это возможно при определенных условиях.

Представители различных церквей, участвовавшие в религиозных поездках за рубеж, выполняли политический заказ страны. Мы можем выделить как минимум три ключевые задачи политического характера, а именно — агитационно-пропагандистскую или имиджевую, информационную и вербовочную.

Формирование привлекательного образа СССР было основой имиджевой задачи. Объекты, на которые нужно было оказывать влияние, менялись в зависимости от целей поездки и направлений советской внешней политики. Например, в первые послевоенные годы советское православное духовенство уделяло особое внимание идеологической обработке русской эмиграции. Г.Г. Карпов в одном из отчетов СДРПЦ сообщал, что именно русское духовенство сыграло выдающуюся роль в принятии в массовом порядке бывшими эмигрантами советского граждан-

57. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 29. Л. 49.

ства. На рубеже 1960–1970-х годов заметно увеличилось количество, а также расширилась география поездок представителей ВСЕХБ. Эти поездки были призваны сформировать в мировом баптистском движении «правильное понимание» действий советских властей в связи с фактическим разгромом Совета церквей евангельских христиан-баптистов. С начала 1980-х годов гораздо больше стало выезжать за рубеж мусульман, что напрямую было связано с войной в Афганистане.

Поездки в СССР способствовали укреплению авторитета иностранных церковных деятелей. Патриарх Антиохийский неоднократно подчеркивал, что каждая его поездка в Советский Союз поднимала его авторитет не только в глазах паствы, но среди местного арабского населения. Визиты советских церковных делегаций по приглашению иностранных церквей в ту или иную страну также можно рассматривать как один из способов укрепления авторитета церкви. Так, после первой поездки православной делегации в Англию в 1945 г. Г.Г. Карпов сообщал об Англиканской церкви:

> Настроение сегодняшнего дня у руководителей англиканской церкви: торжественность и исключительная сердечность приема, оказываемого русской церковной делегации, полное отсутствие намека на какое-либо покровительственное отношение к русской церкви со стороны деятелей англиканской церкви в беседах с делегацией в какой-то мере говорят о том, что сейчас архиепископ Кентерберийский сам ищет поддержки для себя и для своей церкви у русской церкви и хочет укрепить влияние англиканской церкви у себя на родине через дружбу с русской церковью[58].

Аналогично в 1955 г. советская власть трактовала просьбу Евангелической церкви Западной Германии прислать к ним делегацию РПЦ. Руководство Отдела ЦК по связям с иностранными компартиями посчитало поездку «делегации русской православной церкви в Западную Германию целесообразной, поскольку она будет способствовать усилению позиции евангелической церкви в борьбе против ремилитаризации Западной Германии и против раскола Германии»[59].

58. Там же. Д. 27. Л. 99.
59. Там же. Д. 28. Л. 132.

К информационной задаче относился сбор самых разнообразных данных не только о религиозных структурах, но и в целом о стране пребывания, политической, экономической, социальной ситуации. Эти данные, как правило, уже в обобщенном виде, представлялись в докладах и отчетах по итогам поездок. Так, в одном из первых отчетов СДРПЦ (по итогам поездки патриарха Алексия по странам Ближнего Востока), сообщалось: «Знакомясь с церковной обстановкой на Ближнем Востоке, патриарх Алексий и сопровождавшие его лица сумели подметить, что делами православной церкви на Ближнем Востоке заинтересованы англичане и на ряд церковных деятелей православных церквей оказывают свое влияние»[60]. Но особенно ценной следует признать информацию о руководителях церквей и религиозных структур иностранных государств. Вот лишь небольшой фрагмент из отчета 1950 г., составленный по итогам поездки православной делегации по Ближнему Востоку, в котором представлены краткие, но достаточно емкие характеристики руководителей Антиохийской церкви:

> Митрополита Афанасия (араба), в свое время окончившего Киевскую духовную академию, глава делегации митрополит Григорий и протопресвитер Колчинский Н.Ф. характеризуют как преданного русской церкви. Однако архиепископ Гермоген заявляет, что митрополит Афанасий «вряд ли будет драться за нас» [...] Митрополит Илья Карам (араб) характеризуется делегацией как ревностный сторонник русской церкви, но находящийся в связи с католиками и противниками Московской патриархии, и когда делегация ему делала строгое внушение, он стал оправдывать эти связи своей чисто «христианской любовью» [...] Митрополит Феодосий (араб) характеризуется как интеллигент и высокообразованный человек, колеблющийся между сторонниками и противниками русской церкви [...] митрополит Бейрутский Илья Селибе (араб) известен как крупный собственник, неразборчивый в действиях, имеющий большие связи в правительственных кругах, и которого называют американским разведчиком [...] митрополит Хамасский Игнатий (араб) и Алеппский Илья Маун (араб) долгое время находились в Америке, и являются ярыми противниками русской церкви[61].

60. Там же Д. 27. Л. 99.

61. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 28. Л. 55.

В нашем распоряжении имеются лишь косвенные источники, свидетельствующие о том, что представители иностранных церковных структур, находясь в СССР, занимались сбором информации. Как правило, это информационные записки советских посольств о разговорах, распространявшихся среди церковных деятелей после поездок в СССР, а также письменные отклики членов делегаций. В этих документах описывалось положительное или даже восторженное впечатление, которое произвела поездка в СССР на иностранцев. Например, глава Болгарской церкви митрополит Стефан после Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве в 1948 г. и поездки по Грузии делился со своим ближайшим окружением такими планами: «У меня там, в Грузии, родилась мысль написать книгу о Сталине. Я эти два дня вынашиваю эту мысль и непременно напишу как можно скорее. Тема этой книги такая: Сталин — это действительно гений и светоч всех народов, которые ищут правды, мира и подлинной братской взаимной любви. О, это великая идея!»[62]. За весь рассматриваемый период нами выявлен лишь один негативный отзыв, зафиксированный в советских документах. После московского Совещания 1948 г. митрополит Скоплянский Иосиф (Сербская церковь) заявлял, что все светские достопримечательности послевоенной Москвы построены на крови и страданиях народа[63].

Вербовка или привлечение к сотрудничеству иностранных религиозных деятелей была одной из важнейших задач поездок. Решали ее разными способами: как простыми переговорами, так и посредством финансовых инструментов. В первые послевоенные годы Московская патриархия выделяла финансовую помощь практически всем восточноевропейским автокефальным православным церквям и восточным патриархам. Суммы необходимой помощи обговаривались в ходе таких двухсторонних поездок, а иногда советские религиозные деятели привозили деньги с собой. Например, в 1945 г. митрополит Николай пытался встретиться с Вселенским патриархом Максимом и передать ему подарок от патриарха Алексия — 50 тыс. долларов. Однако турецкие власти отказались предоставлять митрополиту визу[64]. Один

62. *Чумаченко Т.А.* В русле внешней политики советского государства: Московская патриархия на международной арене в 1943–1948 гг. С. 94.

63. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 28. Л. 56.

64. Там же. Л. 58.

из первых, кто получил довольно весомую денежную помощь, был митрополит Софийский Стефан. В 1946 г. он обратился к патриарху Алексию с просьбой выделить 30 млн лев, сроком на 10 лет. Г.Г. Карпов предлагал предоставить сумму почти в два раза меньше. Ситуацию спас Сталин. На полях записки Карпова он сделал следующую помету: «Наоборот. Можно дать и больше 30 млн лев»[65]. В итоге Болгарская церковь получила 50 млн лев (2,5 млн руб.). При Хрущеве (по крайней мере до начала 1960-х годов) в соответствии с решением Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 г. Московская патриархия ежегодно переводила Александрийскому патриарху от 10 до 20 тыс. долл.[66] В 1957 г. глава КГБ И.А. Серов предложил выделить местоблюстителю Киликийского католикосата Армянской апостольской церкви архиепископу Х. Ачапагяну 200 тыс. руб. для подкупа влиятельных лиц в Сирии и организации пропаганды против дашнаков. Несомненно, что подобные щедрые подарки способствовали укреплению связей советских религиозных деятелей с иностранными. Следует отметить, что документы о вербовке советских религиозных деятелей нами не выявлены.

Жесткое идеологическое противостояние и ограничение контактов с внешним миром хотя и заметно осложнило, но не оборвало контактов на религиозной основе в годы советской власти. Напротив, с конца Второй мировой войны и на протяжении всей Холодной войны советская дипломатия последовательно и довольно прагматично использовала представителей советских и иностранных религиозных структур в информационной войне против буржуазного и капиталистического мира. Центральное место в новой религиозной дипломатии заняли поездки, благодаря которым не только заметно активизировалось участие советской стороны в международных религиозных организациях, но и сложилась регулярная система коммуникаций, иногда выступавшая своеобразной альтернативой официальной советской дипломатии. Однако на протяжении всей Холодной войны ни один из советских религиозных деятелей во время поездок не проявил себя на международной арене как самостоятельная фигура. Иностранные религиозные деятели, приезжая в СССР,

65. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 115.

66. *Чумаченко Т.А.* Совет по делам РПЦ и Московская патриархия в решении внешнеполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. С. 109. Впрочем, уже в 1957 г. выделение средств Александрийской церкви было признано нецелесообразным. См: Там же. С. 121.

были, как правило, ограничены в контактах и возможностях, так как их поездки проходили под постоянным контролем. В целом официальные религиозные поездки за границу или в СССР следует признать своеобразным дипломатическим инструментом, который партийно-государственное руководство страны использовало для разрешения своих внешнеполитических задач.

Приложение

Таблица 1
Динамика численности поездок представителей религиозных организаций за границу (1945 – 1985 гг.)

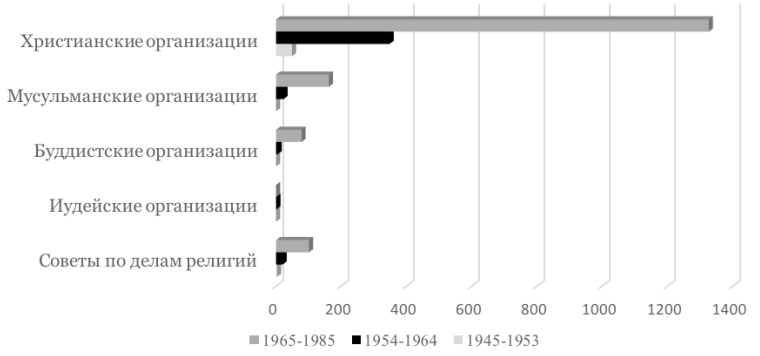

Таблица 2
Динамика численности поездок представителей христианский деноминаций за границу (1945 – 1985 гг.)

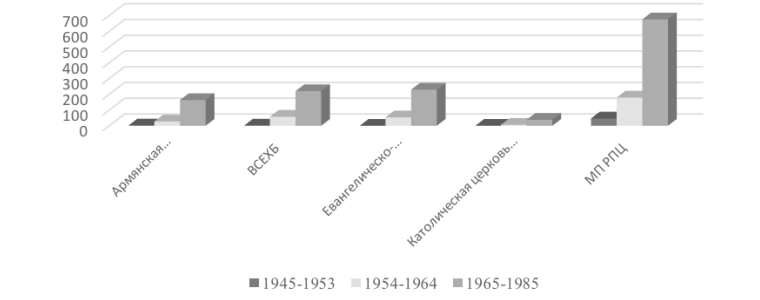

Таблица 3
Динамика численности поездок представителей религиозных организаций за границу в 1945 – 1985гг. (по регионам пребывания)

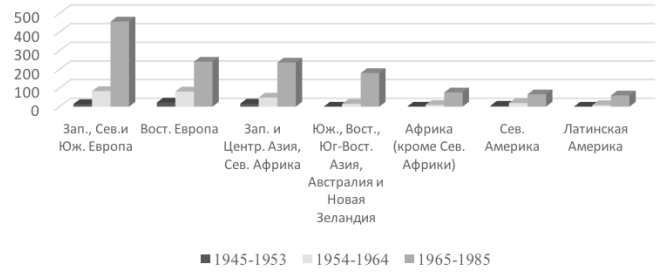

Таблица 4
Динамика численности поездок представителей религиозных организаций в СССР (1943 – 1980 гг.)

Прим.: Составлено по картотекам Общего отдела ЦК КПСС за 1945–1985 гг.: а) *Тематическая картотека Аппарата ЦК КПСС* (рубрика: «VIII. Главные управления и другие организации при Совете Министров СССР», пункты – «Совет по делам религий», «Совет по делам религиозных культов», «Совет по делам Русской православной церкви»); б) *Тематическая картотека Секретариата ЦК КПСС* (рубрики: «Антирелигиозная пропаганда. Церковь», «Совет по делам религий», «Совет по делам религиозных культов», «Совет по делам Русской православной церкви»)
Данные за 1977, 1980, 1981 не выявлены.

Библиография/References

Ахмадулин В.А. Деятельность советского государства по привлечению мусульман к борьбе за мир в 1940-х–1950-х гг. // Власть. 2013. № 9. С. 121–124.

Ахмадулин В.А. Хадж советских мусульман в 1953–1955 гг. // Армия и общество. 2013. № 3(35). С. 8892.

Ахмадулин В.А. Хадж советских мусульман в 1958–1959 гг. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 5. С. 50–54.

Васильева О.Ю. Внешняя политика советского государства и Русская православная церковь. 1943–1948 годы // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 339–353.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Второй ватиканский собор. М., 2004.

Власть и церковь в странах Восточной Европы. 1939–1958 / под ред. Г.П. Мурашко, М.И. Одинцова. М, 2003.

Волокитина Т.В. Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (к проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е годы XX в.) // Власть и церковь в странах Восточной Европы. 1939–1958 гг. (Дискуссионные аспекты). М, 2003. С. 99–125.

Данилец Ю.В., Мищалкина В.В. Православна церква на Закарпатті в умовах становлення Радянської влади (1944–1950 рр.) // Русин. 2013. № 4. С. 88–112.

Король В.Л. Миротворческая деятельность Русской православной церкви (1949–1991): историография проблемы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2013. № 9. С. 144–152.

Левченко И.В. Русская Православная Церковь и государство: учеб. пособие для студ. вузов. Иркутск, 2001.

Ливцов В.А. Русская Православная Церковь и экуменическое движение в XX веке. М. 2000.

Ливцов В.А. Использование экуменизма в качестве инструмента советской внешней политики в начале 1960-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 223–229.

Маслова И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская православная церковь (1965–1991 гг.) // Российская история (Отечественная история). 2005. № 6. С. 52–65.

Маслова И.И. Советское государство и Русская Православная Церковь: политика сдерживания (1964 -1984 гг.). М. 2005.

Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. М, 1994.

Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М., 2016.

Петров С.В. Евангельские церкви во внешнеполитическом векторе религиозной политики СССР в 1941–1948 гг. // Схід. 2014. № 1(127). С. 160–165.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995.

Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

Чумаченко Т.А. Московская патриархия в движении сторонников мира: 1949–1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. 2007. № 1. С. 118–122.

Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская патриархия на международной арене в 1943–1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 1(7). С. 89–99.

Чумаченко Т.А. «Союз церквей социалистического лагеря»: Совет по делам РПЦ и эволюция взаимоотношений Московской патриархии с православными церквями стран «народной демократии» в 1948–1953 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1 (11). С. 67–81.

Чумаченко Т.А. Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949–1953) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 5. С. 93–95.

Чумаченко Т.А. Совет по делам РПЦ и Московская патриархия в решении внешнеполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 107–123.

Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты ближнего востока. 1943–1953 годы // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 22 (351). С. 142–148.

Чумаченко Т.А. Отношения Московской патриархии и восточных патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 2 (357). С. 117–122.

Чумаченко Т.А. Московская патриархия во внешней политике советского правительства. интересы церкви. интересы власти. 1940-е-первая половина 1960-х гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Владивосток, 2015. С. 209–222.

Шкуратов И.В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви (1945–1961 гг.) / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2005.

Якунин В.Н. Внешние связи Московской патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2002.

Якунин В.Н. Международная деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Дипломатический вестник. 2002. № 10. С. 168–172.

Ahmadulin, V.A. (2013) “Hadzh sovetskikh musul’man v 1958–1959” [“The Hajj of Soviet Muslims in 1958–1959”], *Gumanitarnye i sotsial’no-ekonomicheskie nauki* 5: 50–54.

Akhmadulin, V.A. (2013) “Deiatelnost’ sovetskogo gosudarstva po privlecheniiu musul’man k bor’be za mir v 1940–1950” [“The activities of the Soviet state to attract Muslims to the struggle for peace in the 1940s–1950”], *Vlast* 9: 121–124.

Akhmadulin, V.A. (2013) “Hadzh sovetskikh musul’man v 1953–1955” [“The Soviet Muslim Hajj in 1953–1955”], *Armiia i obshchestvo* 3(35): 88–92.

Chumachenko, T.A. (1999) *Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov’, veruiushchie. 1941–1961* [*The state, the Orthodox Church, believers. 1941–1961*]. M.

Chumachenko, T.A. (2007) “Moskovskaia patriarkhiia v dvizhenii storonnikov mira: 1949–1953 gg.” [“The Moscow Patriarchy in the movement of peace: 1949–1953”], *Izvestiia Cheliabinskogo nauchnogo centra UrO RAN* 1: 118–122.

Chumachenko, T.A. (2007) “V rusle vneshnei politiki sovetskogo gosudarstva: Moskovskaia patriarkhiia na mezhdunarodnoi arene v 1943–1948” [“Within the foreign policy of the Soviet state: the Moscow Patriarchy on the international scene in 1943–1948”], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriia Rossii* 1(7): 89–99.

Chumachenko, T.A. (2008) "«Soiuz tserkvei sotsialisticheskogo lageria": Sovet po delam RPTs i evoliutsiia vzaimootnoshenii Moskovskoi patriarkhii s pravoslavnymi tserkviami stran «narodnoi demokratii" v 1948–1953" ["Union of churches of the socialist camp": the Council for the ROC and the evolution of relations between the Moscow Patriarchy and the Orthodox churches of the countries of "people's democracy" in 1948–1953"], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Seriia: Istoriia Rossii* 1(11): 67–81.

Chumachenko, T.A. (2008) "Russkaia pravoslavnaia tserkov' v mezhdunarodnom dvizhenii storonnikov mira: interesy tserkvi i vlasti (1949–1953)" ["The Russian Orthodox Church in the international movement for peace: the interests of Church and state (1949–1953)"], *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* 1: 93–95.

Chumachenko, T.A. (2010) "Sovet po delam RPTs i Moskovskaia patriarkhiia v reshenii vneshnepoliticheskikh zadach hrushchevskogo rukovodstva: 1953–1958" ["The Council for the Russian Orthodox Church and the Moscow Patriarchy of the decision of foreign policy problems of the Khrushchev leadership: 1953–1958"], *Gosudarstvo, religiia, Tserkov v Rossii i za rubezhom* 4: 107–123.

Chumachenko, T.A. (2014) "V rusle vneshnei politiki stalinskogo rukovodstva: Russkaia pravoslavnaia tserkov' i patriarkhati blizhnego vostoka. 1943–1953" ["Within the foreign policy of the Stalinist leadership of the Russian Orthodox Church and the Patriarchies of the middle East. 1943–1953"], *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* 22(351): 142–148.

Chumachenko, T.A. (2015) "Moskovskaia patriarkhiia vo vneshnei politike sovetskogo pravitelstva. Interesi tserkvi. Interesy vlasti. 1940-e — pervaia polovina 1960-kh gg." ["The Moscow Patriarchy in the foreign policy of the Soviet government. The interests of the Church. The interests of the government. 1940s-first half of the 1960"], in *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennii aspekti*, pp. 209–222.

Chumachenko, T.A. (2015) "Otnosheniia Moskovskoi patriarkhii i vostochnikh patriarkhatov v kontekste evoliutsii blizhnevostochnoi politiki sovetskogo rukovodstva. 1953–1964" [Relations of the Moscow Patriarchy and the Eastern Patriarchates in the context of the evolution of the middle East policy of the Soviet leadership. 1953–1964], *Magistra Vitae: elektronnii jurnal po istoricheskim naukam i arheologii* 2(357): 117–122.

Danilets, Yu.V., Mishchalkina, V.V. (2013) "Pravoslavna tserkva na Zakarpatti v umovah stanovlennia Radianskoï vladi (1944–1950)" ["The Orthodox Church in Transcarpathia in the formation of Soviet power (1944-1950)"], *Rusin* 4: 88–112.

Gorsuch, A. (2011) *All this is Your World: Soviet tourist at home and abord after Stalin*. N.Y.

House, F. (1983) *"A war-time visit to the Russian Church"*, Sobornost (incorporating Eastern Churches Review) 5(2): 46–55.

Korol, V.L. (2013) "Mirotvorcheskaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1949–1991): istoriografiia problemy" ["Peacekeeping activities of the Russian Orthodox Church (1949–1991): historiography of the problem"], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki* 9: 144–152.

Levchenko, I.V. (2001) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i gosudarstvo* [*The Russian Orthodox Church and the state*]. M.

Livtsov, V.A. (2000) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov i ekumenicheskoe dvizhenie v XX veke* [*The Russian Orthodox Church and the Ecumenical movement in the twentieth century*]. M.

Livtsov, V.A. (2008) “Ispolzovanie ekumenizma v kachestve instrumenta sovetskoi vneshnei politiki v nachale 1960-h godov” [The use of ecumenism as a tool of Soviet foreign policy in the early 1960-s], *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* 66: 223 — 229.

Maslova, I.I. (2005) “Sovet po delam religii pri Sovete Ministrov SSSR i Russkaia pravoslavnaia tserkov’ 1965–1991 gg.” [“The Council for religious Affairs under the USSR Council of Ministers and the Russian Orthodox Church (1965-1991)”], *Rossiiskaia istoriia (Otechestvennaia istoriia)* 6: 52–65.

Maslova, I.I. (2005) *Sovetskoe gosudarstvo i Russkaia Pravoslavnaia Tserkov: politika sderzhivaniia: 1964–1984 gg*. [*The Soviet state and the Russian Orthodox Church: politics of deterrence (1964–1984)*]. M.

Odincov, M.I. (1994) *Gosudarstvo i tserkov’ v Rossii: XX vek* [*State and Church in Russia: XX century*]. M.

Orlov, I.B., Popov, A.D. (2016) *Skvoz’ «zheleznyi zanaves”. Russo turisto: sovetskii vyezdnoi turizm:1955–1991* [*Through the “iron curtain”. Russo turisto: the Soviet outbound tourism from 1955 to 1991*]. M.

Petrov, S.V. (2014) “Evangelskie tserkvi vo vneshnepoliticheskom vektore religioznoi politiki SSSR v 1941–1948 gg.” [“The Evangelical churches in the foreign policy vector of religious politics in the USSR, 1941–1948”], *Shid* 1(127): 160–165.

Pospelovskii, D.V. (1995) *Russkaia pravoslavnaia tserkov v XX veke* [*The Russian Orthodox Church in the twentieth century*]. M.

Sawatsky, W. (1981) *Soviet Evangelicals: Since World War II*. Herald press.

Shkuratov, I.V. (2005) *Sovetskoe gosudarstvo i vneshnepoliticheskaia deiatelnost’ Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1945–1961 gg.)* [*The Soviet state and foreign policy activity of the Russian Orthodox Church*], Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk.

Vasileva, O.Yu. (2002) “Vneshnyaia politika sovetskogo gosudarstva i Russkaia pravoslavnaia tserkov’. 1943–1948 gody” [“The foreign policy of the Soviet state and the Russian Orthodox Church. 1943–1948”], *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN* 2: 339–353.

Vasileva, O.Yu. (2004) *Russkaia pravoslavnaia tserkov’ i Vtoroi vatikanskii sobor* [*The Russian Orthodox Church and Vatican Council II*]. M.

Volokitina, T.V. (2003) “Moskva i pravoslavnye avtokefalii Bolgarii, Ruminii i Yugoslavii (k probleme vospriiatiia sovetskoi modeli gosudarstvenno-tserkovnikh otnoshenii v 40-e godi XX veka)” [“Moscow and the Orthodox autocephaly of Bulgaria, Romania and Yugoslavia (the problem of perception of the Soviet model of Church-state relations in the 40 years of the twentieth century)”], *Vlast’ i tserkov’ v stranakh Vostochnoi Evropy*. 1939–1958: 99–125.

Yakunin, V.N. (2002) “Mezhdunarodnaia deiatel’nost’ Russkoi pravoslavnoi tserkvi v godi Velikoi Otechestvennoi voiny” [“International activities of the Russian Orthodox Church during the great Patriotic war”], *Diplomaticheskii vestnik* 10: 168–172.

Yakunin, V.N. (2002) *Vneshnie sviazi Moskovskoi patriarkhii i rasshirenie ee iurisdiktsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945* [*External relations of the Moscow Patriarchate and the expansion of its jurisdiction in the years of the great Patriotic war of 1941-1945*]. Samara.